

КОЛЛИЗИОННЫЕ ВОПРОСЫ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ДЕЛИКТОВ В КОНТЕКСТЕ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ

А. А. Гудман

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, anya.goodman25@mail.ru*

В статье проводится сравнительное исследование европейских и китайских особенностей коллизионного регулирования трансграничных деликтных отношений с целью выяснения определенной неоднозначности трактовки коллизионных норм в трансграничных судебных процессах.

Ключевые слова: международное частное право; коллизионные нормы; трансграничные деликты; *lex loci delicti*.

CONFLICT OF LAWS ISSUES OF CROSS-BORDER TORTS IN THE CONTEXT OF LEGAL PROCEEDINGS

A. A. Goodman

*Belarusian State University, Nezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus,
anya.goodman25@mail.ru*

The article provides a comparative study of European and Chinese features of conflict regulation of cross-border tort relations in order to clarify a certain ambiguity in the interpretation of conflict rules in cross-border legal proceedings.

Keywords: international private law; conflict rules; cross-border torts; *lex loci delicti*.

Рассматривая вопрос трансграничных деликтов, мы обращаемся к отношениям с иностранным элементом, в которых «вредоносный эффект действия, совершенного в одном государстве, проявляется в другом государстве» [1, с. 312]. Базисным решением коллизионного вопроса трансграничных деликтов выступает закон *lex loci delicti*. Это основное правило было закреплено в Европейском союзе (далее – ЕС) в рамках Регламента № 864/2007 о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам (далее - Рим II), где в ч. 1 ст. 4 указано, что «правом, подлежащим применению к внедоговорному обязательству, возникающему вследствие причинения вреда, является право страны, где наступает вред, независимо от того, в какой стране произошел юридический факт, влекущий наступление вреда, и в какой стране или в каких странах наступают косвенные последствия данного юридического факта» [2]. В Китайской

народной Республике (далее – КНР) также закреплена коллизионная привязка *lex loci delicti* в качестве основной для решения трансграничных деликтов в Законе КНР «О применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям» (далее – Закон КНР). Так, в ст. 44 определено, что «к ответственности за нарушение прав применяется право по месту совершения противоправного действия» [3].

Несмотря на внешнюю схожесть коллизионной привязки *lex loci delicti* в ЕС и в КНР, толкование этого закона и условия его применения различаются. Часть 1 ст. 4 Регламента Рим II делает акцент на «праве страны, где наступает вред (*lex loci damni*). Положения этой статьи исключают значимость места, где произошел юридический факт (государство, в которой произошло событие, приведшее к ущербу) и места наступления косвенных последствий (государство, где наступил косвенный ущерб вследствие этого события). Другими словами, *lex loci delicti* в Регламенте Рим II прочно связан с *lex loci damni*, то есть с законом места первоначального вреда, а не к закону места косвенного ущерба. В отличие от Рим II, в ст. 44 Закона КНР остается неясным, связан ли *lex loci delicti* с *lex loci damni*, поскольку это прямо в тексте статьи не предусмотрено. Кроме того, действующая ст. 4(3) Регламента Рим II предусматривает альтернативу общего правила, изложенного в первой части статьи, в пользу закона страны, которая имеет «явно более тесную связь» с деликтом (критерий наиболее тесной связи), при этом предварительные отношения между сторонами (например, такие как договор) могут составлять явно более тесную связь. Статья 44 Закона КНР в свою очередь критерий наиболее тесной связи не закрепляет. Однако во второй части данной статьи предусмотрена возможность сторон уже возникшего деликта договориться о применимом праве.

Учитывая данные различия в сфере нормативного закрепления, рассмотрим непосредственное применение этих норм на практике для более глубокого понимания специфики трактовки *lex loci delicti* для решения вопроса трансграничного деликта в ЕС и в КНР.

Рассмотрим судебное дело *Owen v. Galgey* 2020 г. [4], которое было рассмотрено в контексте ст. 4 Регламента Рим II. Истец Гари Оуэн, гражданин Великобритании, проживающий и имеющий постоянное место жительства в Англии, начал судебное разбирательство по иску о возмещении ущерба за травмы, полученные во Франции. Физический ущерб был причинён Оуэну вследствие падения в пустой бассейн, который находился на реконструкции в загородном доме, принадлежащем супругам Галги. Истец и ответчики были знакомы с 2013 г. до происшествия с бассейном. Супруги Галги также были гражданами Великобритании и на момент происшествия проживали и имели постоянное место жительства в Англии.

Спор развернулся в частности по вопросу о том, какой закон следует применять к искам, поданным британским истцом против семьи Галги. Британские ответчики считали, что к их делу должен применяться английский закон в соответствии с положениями ст. 4(2) Регламента Рим II, поскольку истец и оба ответчика имели постоянное место жительства в Англии. В свою очередь, британский истец (Оуэн) настаивал на применении французского закона в соответствии с положениями ст. 4(3) Регламента Рим II, поскольку деликт имел явно более тесную связь с Францией, чем с Англией. Истец обосновал критерий более тесной связи тем, что супруги Галги были собственниками виллы («*things which one has in one's keeping*»), включая бассейн, и поэтому несут ответственность за любой ущерб, причиненный имуществу в соответствии со ст. 1242 Французского Гражданского кодекса [5]. Британские же ответчики акцентировали внимание на том, что бассейн не находился в плохом или опасном состоянии, поскольку территория бассейна была огорожена забором. Более того, истец был достаточно знаком с планировкой виллы и состоянием бассейна. В рамках английского закона ответчики заявили о наличии доли вины со стороны самого истца на основании того, что он употреблял алкоголь и недостаточно осторожно двигался в районе бассейна.

Таким образом, наблюдается конфликт положений ст. 4(1) Рим II (*lex loci damni*, ущерб был причинен на вилле во Франции, поэтому применим французский закон) и ст. 4(2) Рим II (*lex domicilii communis*, британский истец и британские ответчики имели общее постоянное место жительства в Англии на момент происшествия). Данное разногласие было решено доказательством положений ст. 4(3) Рим II о том, что деликт имел более тесную связь с Францией, чем с Англией, исключая таким образом возможность использовать ч. 2 ст. 4 Рим II, которая исходя из текста статьи Рим II воплощает исключение ч. 1 ст. 4 Рим II (об этом свидетельствует союз «однако», с которого начинается ч. 2 ст. 4). Так, Суд постановил, что деликт более тесно связан с Францией, потому что Франция была страной, где центр тяжести ситуации (*the center of gravity*) был обнаружен. К тому же травма (прямой ущерб) произошла во Франции, и спор возник вокруг собственности во Франции. Супруги Галги также имели давнюю связь с Францией, и авария произошла на их территории. Суд подчеркнул, что дело не имело существенной связи с Англией, кроме факта гражданства и обычного места жительства истца и ответчиков в лице супругов Галги.

Теперь рассмотрим дело *Yang Shuying v. British Carnival Cruise* [6]. Цишэн Хэ, профессор кафедры международного права юридического факультета Пекинского университета, опубликовал обзор китайской практики в области международного частного права в 2018 г. [7, с. 943]. После данной публикации много внимания было обращено к рассматриваемому

судебному делу. Дело British Carnival Cruise касается деликтного спора между Шуин Ян, гражданкой Китая, и British Carnival Cruise Company, оператором круизных судов, базирующимся в Великобритании. 8-летняя девочка Шуин Ян и ее мать Линьюнь Ян заключили договор с компанией Zhejiang China Travel Agency Company на круизный тур, управляемый британской корпорацией Carnival Cruise Corporation. Семья Ян зашла на судно в порту Шанхая, откуда и начался их пятидневный тур. Во время круиза в открытом море ребенок зашел в зону бассейна, случайно там утонул и позже был найден другими туристами на этом круизе. Впоследствии, в китайской больнице ребенку был поставлен диагноз «стойкое вегетативное состояние», после чего он получал лечение и уход в Китае. После возвращения в Китай мать, как законный представитель несовершеннолетней, подала иск против British Carnival Cruise Corporation. Истец утверждала, что несчастный случай с утоплением произошел из-за небрежной эксплуатации и управления круизным судном. К тому же в ходе дела отмечалось, что год назад был случай смерти взрослого человека от аналогичного несчастного случая с утоплением, произошедшего в бассейне во время того же круиза и круизная компания не предприняла никаких мер предосторожности, чтобы предотвратить повторение такого несчастного случая. Небрежность ответчика в отношении защиты личной безопасности своих пассажиров послужила основанием для иска. Истец выбрала деликтную ответственность в качестве основания иска в соответствии со ст. 122 Договорного права КНР [8], утверждая, что круизная компания должна взять на себя ответственность за телесные повреждения ребенка. Ответчик в свою очередь утверждал, что круиз принял разумные меры для обеспечения безопасности своих пассажиров, а мать несет ответственность за возникновение несчастного случая из-за своей небрежности в уходе за дочерью. Китайская истец настаивала на применении английского права, в то время как британская круизная компания Carnival Cruise настаивала на использовании китайского права.

Особенностью данного дела является то, что несчастный случай, повлекший за собой телесные повреждения, произошел в бассейне круизного судна, когда он находился в международных водах, что затрудняет определение места происшествия. Кроме того, телесные повреждения сами по себе являются особенными, так как повреждение вегетативного состояния, причиненное пострадавшему, является длительным и непрерывным состоянием, что затрудняет определение места наступления вреда. Обобщая, что касается понятия «вред» в рамках коллизионного закона *lex loci delicti*, потерпевший полагал, что место совершения правонарушения и место причинения ущерба находились в круизе (круиз как «плавающая территория»), в то время как причинитель вреда утверждал, что

место правонарушения находится в открытом море, а место прямого ущерба находится в Китае. Суд, рассматривающий дело, поддержал доводы ответчика и постановил, что «теория плавучей территории» не должна применяться для определения *lex loci delicti*. Кроме того, суд принял решение о том, что место происшествия и место повреждения действительно находились на круизном лайнере. Однако при определении применимого права под «местом, где было совершено правонарушение» следует понимать как конкретное географическое местоположение, непосредственно связанное со страной или конкретной юрисдикцией. Соответственно, с точки зрения такого рода деликта, который имел место в круизе, он сам по себе не может рассматриваться как место, где совершен деликт, а право государства флага круиза не может быть приравнено к праву места, где совершен деликт. Кроме того, вред, наступивший вследствие несчастного случая с утоплением, является длительным состоянием. Истец уже находилась в вегетативном состоянии во время круиза и была диагностирована и госпитализирована только позже в Китае. Таким образом, место повреждения не ограничивается круизом. Учитывая специфику места, где был совершен деликт в данном деле, трудно определить применимое право, основанное на ст. 44 Закона о конфликтах в Китае. Поэтому судом было принято решение использовать закон наиболее тесной связи для определения применимого права. Проанализировав самые различные факты (место, где произошло деликтное деяние; место, где произошел деликтный результат; государство флага судна; гражданство судовладельца; гражданство оператора судна; место подписания контракта; порт отправления и прибытия круизных пассажирских перевозок; место нахождения главного офиса ответчика и др.), суд пришел к выводу, что связующие факторы дела были в большей степени сконцентрированы в Китае, вследствие чего было принято решение применять китайское право.

В отличие от ст. 4(1) Рим II, *lex loci delicti*, закрепленный в ст. 44 Закона КНР, прямо не исключает право страны, в которой было совершено событие, повлекшее за собой вред. Закон КНР не дает четкого ответа на вопрос, относится ли *lex loci delicti*, предусмотренный ст. 44 Закона КНР, только к праву места, где непосредственно было совершено правонарушение или также включает в себя право государства, где был причинен деликтный ущерб (*lex loci damni*). В отсутствие каких-либо разъяснений судьям предоставлена значительная свобода действий при определении *lex loci delicti*. Это означает, что место правонарушения и место наступления вреда могут быть включены в ст. 44 Закона КНР в силу расширительного толкования. Что касается толкования термина «вред» и того, включает ли он в себя как «прямой ущерб», так и «косвенный ущерб», то, поскольку

ст. 44 Закона КНР прямо не исключает место наступления косвенных последствий, как это делает ст. 4(1) Рим II, китайским судом также допускается широкое толкование при определении *lex loci delicti*. Так, в деле Yang Shuying v. British Carnival Cruise суд учитывал место косвенного ущерба при применении принципа наиболее тесной связи. Напротив, в деле Owen v. Galgey, место прямого ущерба произошло во Франции. Хоть косвенный ущерб и не был ограничен во Франции, согласно ст. 4(1) Рим II *lex loci damni* явно был привязан к французскому праву.

Что касается закона наиболее тесной связи, то и в КНР, и в ЕС он имеет особое значение в контексте судебных разбирательств, для которых свойственно столкновение *lex loci delicti* и *lex domicilii communis*, что указывает на разный выбор применимого права. Общие проблемы, с которыми сталкиваются суды в обоих кейсах, заключаются в отсутствии конкретных критериев для определения того, при каких обстоятельствах возможно прийти к применению коллизионной привязки *lex connectionis fermitatis*, заменив собой *lex loci delicti* и *lex domicilii communis*. В частности, в деле Yang Shuying v. British Carnival Cruise, в отсутствие конкретных критериев, суд принял во внимание все соответствующие факторы по делу. Проанализировав каждый связующий фактор в отдельности, суд пришел к выводу, что применимым правом должно быть китайское право. Анализ суда является спорным в первую очередь из-за того, что не все факторы, перечисленные китайским судом, имеют значение при определении применимого права (например, порт отправления и прибытия круизного судна; место подписания договора, что более актуально для договорной ответственности). Такие менее значимые связующие факторы делают количественный анализ по своей сути необъективным.

Напротив, в деле Owen v. Galgey придавалось слишком большое значение месту наступления вреда вследствие несчастного случая в бассейне. Все другие относящиеся к делу факторы были проигнорированы, включая место наступления косвенного ущерба, общее место жительства и гражданство истца и супругов Галги. С одной стороны, суд постановил, что столкновение *lex loci delicti* и *lex domicilii communis* вынуждает применить критерий наиболее тесной связи для определения закона, имеющего более тесную связь со спорным деликтом. С другой стороны, суд чрезмерно углубляется в важность места наступления вреда и местоположения бассейна, что фактически является единственным фактором, указанным в ст. 4(1) Рима II. Если такой фактор так важен, то критерий наиболее тесной связи был бы совершенно излишним, поскольку *lex loci delicti* и *lex loci damni* изначально связаны в соответствии со ст. 4(1) Рима II, которая ссылается на право страны, где наступил вред. Аналогичным образом,

придание слишком большого значения месту прямого ущерба и основанию иска (несчастному случаю в бассейне) при использовании критерия *lex connectionis fermitatis* умаляет функцию ст. 4(3) Рима II в целом, поскольку сама специфика определения тесной связи требует изучения всех обстоятельств дела. Кроме того, если бы иск о британском карнавальном круизе был подан китайским истцом в суды Англии, аргументация английского Высокого суда была бы проблематичной, поскольку место прямого ущерба и расположение плавательного бассейна находились бы на подвижном круизе, плавающем в открытом море, который не принадлежит ни одной стране и не указывает на какое-либо фиксированное местоположение.

Таким образом, несмотря на то, что применение *lex loci delicti* является коллизионной нормой, принятой как в Китае, так и в ЕС, значение ее в соответствующих правовых источниках различается. Так, в соответствии со ст. 44 Закона КНР место совершения правонарушения и место, где наступил вред, могут быть приравнены и включены в интерпретацию коллизионной привязки *lex loci delicti*, тогда как в соответствии со ст. 4(1) Рима II *lex loci delicti* прочно связано с коллизионным принципом *lex loci damni*, при этом место, где именно произошел юридический факт, влекущий наступление вреда, не принимается во внимание. Кроме того, понятие вреда в ст. 44 Закона КНР можно интерпретировать расширенно, включая как прямое, так и косвенное наступление вреда. Тогда как ст. 4(1) Рима II прямо исключает значение места наступления косвенного вреда вследствие юридического факта (деликта). Применение закона наиболее тесной связи в соответствии со ст. 44 Закона КНР и ст. 4(3) Рим II требует учета всех соответствующих факторов или всех обстоятельств по делу. Фактору места наступления вреда не следует придавать слишком большого значения, чтобы не принимать во внимание все другие существенные факторы. При определении критерия наиболее тесной связи необходимо провести количественный и качественный анализ всех юридических фактов для уточнения значимости и веса каждого из них.

Библиографические ссылки

1. Леанович Е. Б. Международное частное право: учеб. пособие для учебных заведений по юридическим специальностям. Минск: ИВЦ Минфина, 2008.
2. Регламент (ЕС) № 864/2007 о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам («Рим II») [Электронный ресурс]: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040002> (дата доступа: 23.03.2024).

3. О применении права к транснациональным гражданско-правовым отношениям [Электронный ресурс]: Закон Китайской Народной Республики, 28 окт. 2010 г. // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://pravo.hse.ru/data/2015/11/16/1081085258/%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%202010.pdf> (дата доступа: 23.03.2024).

4. Case «Owen v Galgey & Ors England and Wales High Court»: Queen's Bench, dec. 21, 2020. URL: <https://www.casemine.com/judgement/uk/5fe970962c94e011bbd49f1a> (дата доступа: 24.03.2024).

5. The law of contract, the general regime of obligations, and proof of obligations: The new provisions of the Code civil created by Ordonnance №2016-131, 10 feb. 2016. URL: https://www.justice.gouv.fr/sites/default/files/migrations/textes/art_pix/THE-LAW-OF-CONTRACT-2-5-16.pdf (дата доступа: 24.03.2024).

6. Case «Yang v Carnival UK plc»: Shanghai Maritime Court, aprl. 26, 2018. - URL: <https://cmlcmidatabase.org/yang-v-carnival-uk-plc> (дата доступа: 24.03.2024).

7. *Qisheng H.* Chronology of Practice: Chinese Private International Law in 2018 // 1 Chinese Journal of International Law. 2020. P. 933–980.

8. Гражданский кодекс Китая: Книга I Общие принципы [Электронный ресурс] : 01 января 2021 г.: принят Всекитайским собранием народных представителей 28 мая 2020 г. // Портал законов Китая СЮ. URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/civil-code-of-china-part-i-general-principles-20200528> (дата доступа: 24.03.2024).